

— Завтра ровно в двенадцать часов дня члены клуба и очень важный сторонник заказали обед в нашем ресторане, наставник госпожи Линь лично привезет ее, чтобы проверить процесс приготовления и готовки в трехзвездочном ресторане. От подготовки ингредиентов до приправ и финальной презентации, каждый шаг будет тщательно показан. Но я не могу гарантировать, что когда завтра машина отправится в путь, а наставник госпожи Линь не увидит ее, какая реакция будет?

Не говоря ни слова, дяди посадил Линь Кэсун в машину. Слова дяди Линь Фэна и ворчание были совершенно не слышны ей.

Когда машина завелась, кричащий голос дяди Линь Фэна, просившего ее перезвонить в любое время, наконец, немного отрезвил ее, когда она повернула голову, чтобы посмотреть назад, фигура дяди становилась все дальше и дальше. А когда дядя вернулся в ресторан и увидел своих друзей, один из них указал на красную звезду эргуотоу и сказал:

— Лао Линь, 52% ликер... не слишком ли мы далеко зашли?

— Раз ты знаешь, что зашел слишком далеко, почему ты заставил ее выпить так много?

— Разве это не потому, что мы были так счастливы?

Огни шумного Нью-Йорка были подобны звездам, пролетая мимо лица Линь Кэсун, как тонкие линии.

И ей казалось, что она плывет по бескрайнему Млечному Пути.

В ее сердце вдруг возникло ощущение пустоты.

Она достала телефон и увидела лишь короткое сообщение от Сун Ижэня:

[Я уехал в Сан-Франциско, не делай ошибок во время кассовых операций!]

Идиот! Она больше не была кассиром! Она собиралась учиться готовить у мишленовского шеф-повара!

Линь Кэсун прислонилась головой к окну машины и зашла на Weibo Сун Ижэня. Это была фотография, сделанная с несколькими сексуальными девушками в каком-то ночном клубе. Он лениво улыбался, наслаждаясь гламурным городом, который никогда не спит.

Затем ее глаза начали слезиться.

Когда она добралась до виллы Цзян Цяньфаня, Майер и пухлая дама средних лет в фартуке ждали ее у входа.

Майер увидел, как Линь Кэсун пьяно ахнула и слегка нахмурилась в полной потере чувства направления.

— Нина, помоги ей.

— Она пьяна, мистер будет сердиться?

Майер пожал плечами:

— Возможно, это потому, что кто-то ее провожал, я слышал, что китайцы обычно много пьют, когда провожают людей. У пьянства есть свои достоинства, по крайней мере, во время сна мистер Цзян не будет потревожен.

Линь Кэсун немного осознавала, что Нина помогла ей подняться по ледяной лестнице, а водитель шел позади, неся ее багаж.

Майер открыл перед Линь Кэсун дверь, а Нина уложила ее на кровать. Через некоторое время чашка с мятной водой была у ее губ, прохлада мятного аромата обволакивала губы и зубы, струилась по горлу, освежая все ее существо.

Через некоторое время все стихло, и Майер ушел, закрыв дверь и тихо произнеся:

— Спокойной ночи.

Кровать была мягкой, словно огромная сахарная вата. Звуки машин и разговоров за маленькими окнами были абсолютно беззвучны, впервые за все время ее пребывания в Нью-Йорке она оказалась так далеко от суеты и шума и могла наслаждаться этой абсолютно мирной тишиной.

Но проспав некоторое время, Линь Кэсун почувствовала жажду.

Ее чашка якобы стояла у кровати, но сколько бы она не искала ее, так и не смогла достать. Она встала с кровати и долго ощупывала пол босыми ногами, пока наконец не надела тапочки. Но она все еще нигде не могла найти свою чашку.

Она вышла из комнаты с тяжелой головой, настолько тяжелой, что с трудом могла открыть глаза. Она опиралась на стены, постоянно пробираясь вперед, пока не увидела щель света на полу.

Линь Кэсун улыбнулась.

Здесь есть люди. Если есть люди, значит, будет и вода! Она радовалась мудрости, которую поняла.

Когда она открыла дверь, то оказалась в огромной комнате.

Даже при всем желании Линь Кэсун не смогла увидеть ничего кроме журнального столика, стоящего перед диваном. На столике стоял стакан, наполовину наполненный водой, на который тихо падали лучи сияющего света.

Не говоря ни слова, она подняла стакан и стала глотать воду огромными глотками.

В тот самый момент, когда ее легкие увлажнились настолько, что казалось, будто они могут поплыть, ледяной холодный голос произнес неподалеку.

— Кто впустил тебя сюда?

Этот уникальный голос в сочетании с ночью создавал непередаваемое ощущение элегантности и отчужденности.

Линь Кэсун повернулась и увидела только парня в белой рубашке, который медленно спускался с лестницы.

Мягкий серебристый свет лился на его плечи, холодный и требовательный.

Когда собеседник стал подходить все ближе и ближе, Линь Кэсун подперла голову руками и прищурилась, пытаясь понять, кто это.

— Разве Майер не объяснил тебе правила?

Она наклонила голову, этот человек был знакомым и в то же время незнакомым.

Его глаза были глубокими, линия бровей красивой, переносица имела благородство, а губы...

Линь Кэсун смотрела напряженно, ее сердце необъяснимо двигалось, как будто что-то постоянно проносилось мимо ее сердца.

— Что ты сказал...

Она хотела посмотреть, как он говорит. Пока он говорил, она могла ясно видеть то место, которое вводило людей в фантазии. Она склонила голову, вытягивая шею, присматриваясь.

— Не заставляй меня повторять одно и то же дважды.

«Ты можешь говорить еще немного?»

Линь Кэсун переместилась к краю дивана и потеряла равновесие. В тот момент когда она собиралась использовать руки, чтобы смягчить падение, другой участник схватил ее за плечи и потянул обратно.

Его пальцы использовали слишком много силы, плечевые кости Линь Кэсун начали болеть.

— Возвращайся.

Снова такие короткие слова.

Но когда его губы сжались, Линь Кэсун почувствовала силу из глубины своего сердца, побуждающую ее схватить собеседника за воротник и вцепиться в него.

Собеседник отвернулся, и Линь Кэсун коснулась губами его уха, прикосновение было теплым и мимолетным.

Подбородок Линь Кэсуна оказался на плече собеседника.

Его тело на мгновение замерло, а голос понизился на октаву.

— Что ты делаешь?

Как будто он пытался сжать весь воздух.

— ...Я хочу прикоснуться к кончику твоего языка...

Линь Кэсун облегченно рассмеялась, протянула пальцы, достаточно коснуться входа в губы, и они откроются.

Тыльная сторона ее руки немного болела.

Она не сдавалась и снова протянула руки, кончики пальцев уже собирались приподнять верхнюю губу собеседницы и коснуться теплого места, когда мужчина резко отвернулся, и

снова отмахнулся руками.

— Линь Кэсун, это мое последнее предупреждение тебе.

«Предупреждение для чего?»

Линь Кэсун улыбнулась, ее глаза превратились в полумесяцы.

— Я просто хочу прикоснуться к кончику твоего языка! Позволь мне прикоснуться... ты укусил меня!

Казалось, она уже очень долгое время ожидала прикосновения к этому месту... и в тот момент, когда она уже собиралась забыть, он снова напомнил ей...

Эта раздражающее чувство в сердце совсем не доставляла удовольствия! Все, чего она хотела, это просто прикоснуться к нему!

Кончики пальцев Линь Кэсун коснулись губ собеседника, и, он повернул голову именно под таким углом, как она и ожидала, кончики ее пальцев коснулись его губ, не изменив хода, и проскользнули сквозь них. Воспользовавшись тем, что челюсти не сомкнулись, она поставила точку на самом мягком участке. Кончики ее пальцев удовлетворенно остановились на кончике его языка и слегка шевельнулись, это мягкое и влажное ощущение совершенно отличалось от холодного голоса, которым обладатель языка говорил.

— Ах! — воскликнула Линь Кэсун, резко отдернув руку.

Из-за того, что этот человек бессердечно укусил ее, боль была настолько сильной, что Линь Кэсун наклонилась вперед, сжимая палец.

«Так больно!»

«Должно быть, кровь идет! Должно быть, кровотечение!»

— Разве я не тронула тебя только слегка? Почему ты должен кусать людей? — ее язык был очень глупым, она никогда не могла говорить четко.

Внезапно Линь Кэсун почувствовала, что что-то накрыло ее голову, мощная сила заставила ее посмотреть вверх.

Как раз в тот момент, когда она собиралась открыть рот, чтобы заговорить, второй участник, наконец, определился и прижался к ней.

Мягкое и теплое место за его губами вдруг начало нагреваться и без предупреждения ворвалось между ее губами, беря в плен ее рот.

Линь Кэсун изо всех сил старалась ударить собеседника по плечам, страх быть полностью подавленной заставил ее поднять колени, чтобы нанести собеседнику жестокий удар.

Но не успела она нанести ни одного удара, как он уже сжал ее руки сзади, притягивая ее еще ближе к себе.

На таком расстоянии, не говоря уже о том, чтобы поднять колени, она даже не могла перевести дыхание!

Мужчина повернулся к ней, и использовал еще больше силы, целуя ее так, словно хотел проглотить ее целиком.

В тот момент, когда Линь Кэсун уже собиралась заплакать, он вдруг встал, и она, потеряв опору, отступила на два шага и упала на диван.

— В следующий раз, когда ты напьешься, я тебя вышвырну.

Он развернулся и ушел, даже не обернувшись.

Губы Линь Кэсун и кончик ее языка онемели.

Не то чтобы она хотела быть здесь!

Она решительно встала, неуверенно пошла к двери, но не прошло и двух шагов, как ее колени ударились о журнальный столик. Ей удалось дойти до двери, но когда она открыла ее, то поняла, что вокруг, независимо от направления, царит кромешная тьма.

Где это место?

Должно быть, она спит! Во сне невозможно найти дорогу назад, если продолжать спать и ждать, когда проснешься, то все будет хорошо!

Линь Кэсун вернулась на диван и легла.

Через некоторое время во всей комнате потемнело.

Линь Кэсун обняла себя рукой, нахмутив брови.

Как же холодно! Неужели она сбросила одеяло с кровати?

Протянув руку, чтобы пощупать вокруг... она ничего не нашла.

Куда делось одеяло?

Что-то лежало на ней, мягкое, с освежающим ароматом.

Как только она расслабилась, ее мысли начали рассеиваться.

Линь Кэсун радостно повернулась.

— Эй, просыпайся! Маленькая булочка, скорее просыпайся!

О нет! Она что, должна сегодня работать кассиром?

Линь Кэсун внезапно села, ее лоб почти врезался в нос собеседника.

— ...Мистер Майер?

Линь Кэсун безучастно посмотрела на собеседника, затем огляделась вокруг и поняла, что ей все не знакомо.

Белые стены без изъянов, мраморные полы блестели, как зеркала.

А в нескольких шагах от них лежал элегантный ковер в шотландском стиле, изысканное качество которого можно было заметить даже невооруженным глазом.

В центре этой просторной комнаты стояла большая кровать. Постельное белье было белоснежным. У изголовья кровати стояли два темных шкафа, симметрично оформленных в стиле современного искусства.

Комната была открытой и просторной, без лишней мебели.

До такой степени, что казалось, будто здесь никто не живет.

— Где это место? — голова Линь Кэсун немного болела, но все, что она съела, было полностью переварено, и теперь она была чрезвычайно голодна.

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2344599>